

А. Брянчанинов

Сказка об Иване Быковиче

"Русские народные сказки в стихах". - СПб., 1895

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ф. Павленкова.

№ 66.

С. 7 РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГ

Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. "Обществ. Польза", Б. Подъяч., 39. 1895

Дозволено цензурою. С-Петербурга, 11 Сентября 1895 г.

В неизвестном, дальнем царстве,
В тридесятом государстве,
Жил да был с царицей царь.
Православный государь.
Долго вместе они жили,
Но как Бога ни просили -
Не дал деточек им Он.
Вот привиделся им сон,
Что в пруде карась гуляет,
Золотым пером сверкает:
Коли рыбку ту поймать
И царице скушать дать,-
То, как минет одна ночка,
Понесет она сыночка...
Утром царь с царицей встал,
Сон свой мамкам рассказал.
- "Что во сне могло присниться -
Может в явь легко случиться",
Дали мамки свой ответ.
Царь велел, чтобы чуть свет
Рыбаки на пруд бежали,
Карася того поймали.
Рыбаки чуть свет пошли,
Невод царский завели,-
И пришел он с непростою

Рыбкой, чудной, золотою.
Царь с царицею сидят,
Все в окошечко глядят;
Вдруг царица встрепенулась,
Поднялась и улыбнулась:
Рыбаки к палатам шли,
Карася в тазу несли;
Подбежала к ним царица,
Словно юная девица,
Рыбку чудную взяла,
Поварихе отдала.
Та сейчас ее сварила,
На тарелку положила
И царице отнесла;
Ополоски же слила
И корове дать велела.
Карася царица съела,
Кость кухарка, уходя,
Обглодала как всегда,-
И все трое: коровенка,
Ненасытная бабенка
И царица той земли,
Вместе разом понесли.

Скоро сказка говорится,-
Дело медленно творится;
Наконец, весенним днем,
В одно время, всем им трем
Даровал Бог по ребенку,
По красивому мальчонку.
Царь ребяток обласкал,
Всех Иванами назвал.
Стали детки подниматься,
Сил, здоровья набираться,
Не по дням, а по часам;
По лицу, по голосам
Распознать их было трудно -
До того похожи чудно
Были дети меж собой.
По примете лишь одной
Их друг с другом различали:
Как с гулянья прибежали -
Царский сын белье менял,
Бабий сын поесть искал,
А коровий спать ложился...

Вот царевич ухитрился
Заказать у кузнецов
Посох в семьдесят пудов;
Кузнецы его сковали, -
Хоть все руки обломали -
Приподнять же не смогли,
А Иваны, как пришли,
Им, как тростью, завертели...
Кузнецы и рты разели!
Стал царевич предлагать
Братьям силушку пытаться...
Те с охотой согласились
И немедля сговорились
Бить друг друга по плечам.
Царский сын по молодцам
Страшной палицею вскинул, -
На аршин их в землю вдвинул;
Сын кухаркин палку взял -
Братьев по пояс вогнал;
А Иван Быкович ею
Вбил товарищей по шее.
Стал царевич предлагать
Булаву наверх кидать...
Бросил первый: с час без мала
Протекло - она упала;
Бабий сын ее швырнул -
В два часа ее вернул -
А Быковичу попалась -
Три часа не возвращалась.
- "Ну, Быкович, наш родной,
Будь отныне нам большой!"
Ему братья поклонились;
После в сад гулять пустились
И на камень набрели;
Приподнять его с земли
Захотел царевич было,
Да силишки не хватило;
Бабий сын потом взялся -
Камень еле подался;
А Быкович ухватился -
Камень с громом покотился,
Все дорогой поломал...
И открылся вдруг подвал
С богатырскими конями:
Три красавца; над яслями

Сбруя ратная висит, -
Сердце молодцев кипит!
Вот к царю они пустились,
В путь далекий попросились;
Царь ребят благословил
И казною наградил.

Братья мигом распрощались,
Сели на конь и помчались.
Мчались долго по горам,
По долинам, по лесам, -
Наконец остановились,
Пред избушкой очутились,
Без окошек и дверей.
Говорят ребята ей:
- "Эй, избушка, повернися,
К лесу задом обернися,
К нам же живо передом,
И дверями, и крыльцом".
Вмиг избушка повернулась,
Дверь входная отомкнулась,
А за ней баба-яга,
Деревянная нога,
На полатях отдыхает...
Носом балку подпирает,
Страшной челюстью скрипит,
Зычным голосом рычит:
- "Фу-Фу-Фу! о русском духе
Мне доселева, старухе,
Не пришлось и слышать,
Уж не только что видать,
А теперь он сам явился!"
- "Эй, старуха, не бранись,
"Слезь-ка лучше да садись;
Расспроси: куда пустились,
Далеко ли снарядились?"
Ведьма слезла, подошла,
Речь с гостями повела.
- "Едем, бабушка, мы спросту,
Ко калиновому мосту,
На Смородине реке;
Слышно там, невдалеке,
Чуды-юды проживают,
Кровь людскую проливают.
- "Дело, дело, молодцы!

Ведь они во все концы,
Все, злодеи, разорили,
Всех царей заполонили!"

Ночь проспав, богатыри
Встали утром до зари,
Помолились жарко Богу
И отправились в дорогу.
Приезжают на реку...
По всему по бережку
Человечья кость белеет,
На ветру, на солнце тлеет ...
Стали молодцы искать,
Где б им на вечер пристать;
Вот нашли пустую хатку
И решили, по порядку,
По ночам в дозор ходить.

Первым вышло сторожить
Сыну царскому; до ночки
Вышел он, залег в кусточки
И скорехонько уснул;
Но Быкович не вздремнул
И, как только мрак сгустился,
Он в доспехи облачился
И под мост не медля стал.
Вдруг лес ближний застонал,
Воды в речке взволновались,
Совы в страхе раскричались, -
Чешуей гремя своей,
Шестиглавый едет змей...
Конь под ним чернее ночи,
Как каленый уголь очи,
Ворон черный на хребте,
Пес свирепый на хвосте.
Конь под змеем спотыкнулся,
Черный ворон встрепенулся,
Пес свирепый зарычал;
Змей, озлившись, закричал:
- "Что ты, падаль, к низу гнешься,
Ты, перо, чего трясешься,
А ты, песья шерсть, встаешь?
Аль со страху невтерпеж?
Аль Быкович вам приснился?
Знайте ж: он и не родился;

А родился - так возьму
Его на руку, сожму -
И мокренько только будет!
Пусть-ка прежде порассудит
Своей глупой головой.
Бой не страшен ли со мной?"
Мигом выскочил Быкович ...
- "Не хвались, Змей Змеевич:
Ясна сокола не взял,
А уж перья ощипал!
Выходи, в борьбе скорее
Мы узнаем, кто сильнее!"
Вот сошлись, взвилась пыль;
Дрогнул берег, и ковыль
Кровью черной обагрился...
Трех голов злодей лишился!
- "Дай мне роздых!" молит змей.
- "Что за роздых? Мне скорей
Отдохнуть бы, Змей Змеевич! -
Говорит Иван Быкович: -
"Я - с одною головой,
У тебя ж запас тройной!"
Снова сшиблись; змей дал маху -
И коровий сын с размаху
Змию головы срубил,
Тело на воду пустил
И, шесть глав сложив рядочком
Под калиновым мосточком,
Отдыхать в избу пошел.
Утром царский сын пришел,
Говорит: "идите смело -
Хоть бы муха пролетала!"
Бабий сын на караул
Как пошел, так и заснул;
Но Быкович не ложился
И. как мрак ночной сгустился,
Щит и меч с собою взял
И под мост немедля стал.
Вдруг окрестность застонала,
Вся река заклокотала, -
Едет страшный лиходея,
С девятью главами змий.
Конь под ним чернее ночи,
Ярче звезд блистают очи,
Ворон черный на хребте,

Пес свирепый на хвосте.
Конь под змеем спотыкнулся,
Черный ворон встрепенулся,
Пес свирепый зарычал.
Змей, озлившись, закричал:
- "Что ты, падаль, к низу гнешься,
Ты, перо, чего трясешься,
А ты, песья шерсть, встаешь?
Аль от страху невтерпеж?
Аль Быкович вам приснился?
Знайте ж: он и не родился:
А родился - так щелчком
Порешу я с молодцом!"
Мигом выскочил Быкович:
- "Не бахвалься, Змей Змеевич!
Прежде Богу помолись
Да за дело и примись...
Ведь от нас еще закрыто,
Чья возьмет, чья будет бита!"
Вот сошлись; взвилася пыль.
Дрогнул берег, и ковыль
Кровью черной обагрился:
Шести глав злодей лишился!
Взвыл от боли лютый змей,
И противника скорей
В землю вбил на пол-аршина.
- "Ах ты, злая образина!"
Добрый молодец вскричал;
Горсть песку немедля взял
И с размаху, что есть мочи,
Бросил зверю прямо в очи;
А пока их тот чесал,
Богатырь ему срубал
Три главы еще живые;
Тело в воды голубые
Опустил, а девять глав,
К снятым ранее прибрав,
В путь обратный снарядился.
Утром бабий сын явился.
Так ребятам говорит:
- "Все в порядке обстоит;
Хоть бы муха пролетала...
Ты иди, Быкович, смело!"
Тот немедля братьев взял,
Свел на берег, показал

Главы змеев и, с укором,
Стал стыдить плохим дозором:
- "Где вам, сони, воевать, -
На печи бы вам лежать!"
Вот Быкович в третью ночку
Собрался идти к мосточку;
В стену нож над чашей вбил,
Братьев так предупредил:
- "Вы, ребята, не дремлите,
В чашу пристально глядите:
Коли кровь с ножа польет
И из чаши вон пойдет -
Моего коня спускайте
И на помощь поспешайте.
Ждет Быкович под мостом...
Вдруг раздался страшный гром,
Воды в речке взволновались,
Совы в страхе раскричались, -
О двенадцати главах,
О двенадцати крылах,
Змей-страшило выезжает,
Всю окрестность освещает.
Во лбу месяц золотой;
Ребра звездами сияют,
Из-под ног огни сверкают;
Черный ворон на хребте,
Пес свирепый на хвосте.
Конь под змеем спотыкнулся,
Черный ворон встрепенулся,
Пес свирепый зарычал.
Змей, взбесившись, закричал:
- "Что ты, падаль, к низу гнешься,
Ты, перо, чего трясешься,
А ты, песья шерсть, встаешь?
Аль со страху невтерпеж?
Аль Быкович вам приснился?
Знайте ж! он и не родился;
А родился - так плевком
Порешу я с молодцом".
Мигом выскочил Быкович...
- "Ну, хвастун ты, Змей Змеевич!
Обожди-ка, не хвались,
Прежде Богу помолись!
Я пришел ведь не дивиться,
А на смерть с тобою биться!"

Боевым мечом хватил -
Три главы ему срубил.
Змей ни мало не смутился,
Главы поднял, наклонился -
И так главы приросли,
Словно их и не снесли!
Видит витязь: плохо дело,
Сила вражья одолела,
В землю вбила на аршин...
- "Стой, - кричит, - ты, бесов сын!
И цари среди сраженья
Допускают замиренья, -
"Беспрерывный будет бой?"
Змей на роздых согласился,
А Быкович изловчился,
И немедленно пустил
Рукавицей, что есть сил,
В ту избу, где братья были;
Стекла громко прозвонили,
Но им, сонным, не слышать.
Вот Быкович наступать
Снова начал на злодея -
И скорехонько у змея
Не хватило шести глав;
Змей, немедля их подняв,
Тем ни мало не смутился,
Шеей толстой наклонился -
И те главы приросли,
Словно их и не снесли!
Видит витязь: плохо дело,
Сила вражья одолела,
В землю по пояс вошел,
Речь о роздыхе завел.
Змей на роздых согласился,
А Быкович изловчился,
И в избушку, что есть сил,
Рукавицею пустил:
Та всю крышу своротила,
Но ребят не разбудила.
Вновь Быкович наступил,
Змею девять глав срубил.
Змей ни мало не смутился,
Главы поднял, наклонился -
И те главы приросли,
Словно их и не снесли!

Утомясь от третьей встречи,
Вбитый в землю уж по плечи,
Витязь змею закричал,
Чтобы роздых ему дал.
Змей с охотой согласился,
А Быкович изловчился,
Шапку снял, в избу пустил,
По бревну всю раскатил.
Тут уж братья повскакали,
К чаше живо подбежали:
Кровь с ножа так и струит,
Из посуды вон бежит;
Конь храпит, дрожит и бьется
И с цепей на волю рвется.
В тот же миг коня спустив,
Меч булатный обнажив,
Братья на реку помчались,
Но пока они собирались -
Змея конь уже топтал,
А Быкович отрубал
Буйны головы злодея;
После туловище змея
По частям в реку швырнул,
Братьев ленью упрекнул:
- "Вот на вас я положился, -
И чуть жизни не лишился!"
На заре оставив дом,
Храбрый витязь воробьем
Обернулся, и к богатым
Белокаменным палатам,
Прилетев, из воробья
Обратился в муравья.
Тот в покои втихомолку
Пробрался, забился в щелку
И прислушиваться стал.
- "Всех Быкович осмеял, -
Ведьма охает и злится: -
Каково зятьев лишиться,
Страшных витязей таких!"
- "Не горюй ты так о них,
Говорят чудовищ жены; -
Мы ведь, матушка, смышлены
И отплатим молодцу!"
- "Я вот голод напущу,
Дочь меньшая обещает, -

И где путь им пролегает,
Выйду, в яблонь обернусь,
И плодами огнетусь;
Кто плодом моим прельстится,
Мигом с жизнью простится!"
- "Я же жаждою дойму,
И колодца вид приму;
Кто воды моей коснется -
Живо ею захлебнется" -
Дочь вторая говорит;
А большая дочь грозит:
- "Нагоню я сон свинцовый,
И постелькою пуховой
Обернусь, и стану ждать:
Кто приляжет отдыхать,
Тот скорей сгорит, чем в печи!"
Вот Быкович эти речи
Как подслушал, полетел
И пред хаткой, здоров и цел,
Прежним молодцем явился;
Братьев взял и в путь пустился,
Едут молодцы домой
По дорожке столбовой;
Сильно голодом скучают,
Чем унять его не знают,
Глядь - вдруг яблонька стоит,
Спелым яблочком манит...
К ней царевич с бабьим сыном
Добрались скачком единым,
Но Быкович упредил:
Мигом яблоньку срубил -
Та вся кровно облилась!
То же самое случилось
И с постелькою потом,
И с колодцем-родником -
Змеев жен как не бывало!

Ведьма злая, как узнала,
Перекинулась скорей
Старой нищенкой убогой,
И помчалась дорогой;
Дождалась врагов своих,
Христа-ради просит их.
Говорит царевич брату:
- "Дай, Быкович ... мы богаты

Государевой казной".
Богатырь взял золотой
И старухе предлагает...
Та Быковича хватает
За рукав - и в тот же час
С ним скрывается из глаз...
Братья диву только дались,
И со страху так помчались
К царю-батюшке домой,
Что поспорили б с стрелой!

А Быкович той порою
Очутился под землею;
Ведьма молодца взяла,
К мужу старому свела.
- "Вот он, смелый победитель,
Деток наших погубитель!"
Старый змей в углу лежит
И очами не глядит;
Его брови и ресницы,
Словно косы у девицы,
Так годами отросли,
Что спустились до земли.
Кликнул он могучим гласом -
И пред старым тем же часом
Стали семь богатырей.
- "Ну, ребята, поскорей
Вилы крепкие берите,
Мне ресницы поднимите
И бровей дремучей лес;
Погляжу я, что за бес,
Что за редкостная сила
Моих деток уходила!"
Вмиг исполнен был приказ -
И кровавых пара глаз
На Быковича взглянула,
Злобным отблеском сверкнула...
- "Что, Ванюша, толковать:
Мне детей ведь не поднять;
Сослужи-ка лучше службу
Мне за ласку да за дружбу, -
Поживее соберись,
И в дорогу снарядись,
В неизведанное царство,
Что под небом государство.

Там, Ванюша, разыщи
И хоть силой притащи
Той земли красу-царицу,
Златокудрую девицу, -
Будет мне она женой".

Ведьма, слыша вздор такой,
До того разбеленилась,
Что со злости утопилась;
А Быкович размышлял:
"Ну, куда тебе, нахал,
С старой мордой да жениться, -
Мне вот разве пригодится!"
Палку дал ему старик
И велел, чтоб в тот же миг
Шел Быкович в лес дремучий,
Отыскал там дуб могучий,
Палкой трижды постучал,
"Выдь, корабль!" ему сказал;
И корабль лишь появился -
Дуб сейчас чтоб затворился.

Дуб Быкович отыскал,
Трижды стукнул, и вскричал:
- "Ну, вы все, что здесь сидите,
Вон из дуба выходите!"
На корабль на первый сел,
И в дорогу полетел;
Как немного отдалился,
Поглядел и удивился:
Стая лодок, кораблей
Следом гонит, и на ней
Все что есть, - благодаренье
Шлет ему за избавленье.
Подплывает старичок,
Говорит: "Возьми, дружок,
В дальний путь меня с собою",
- "А что делать мне с тобою?
Чем мне будешь помогать?"
- "Хлеб умею я жевать".
- "Вот чудак! На это дело
Я и сам отважусь смело!"
Богатырь захохотал,
Но в корабль с собою взял.
Новый старец подъезжает

И о том же умоляет.
- "Ты чем можешь пособить"?
- "Мед, вино умею пить".
- "Вот так хитрая наука
И учить ее не скука!
Ну, да лезь, Господь с тобой!"
Третий просит взять с собой...
- "Ты чем будешь мне хвалиться"?
- "А я - мастер в бане мыться".
- "Фу, лихой вас побери!
Вы и впрямь богатыри!"
Взял однако. Подъезжает
Снова старец, об являет:
- "Я, Быкович, звездочет, -
Уж возьми меня не в счет!"
Взял и этого; вдруг пятый
Тоже просит: "тароватый,
И меня к себе прими!"
- "Прах же вас совсем возьми!
Да ведь с вами разоришься!..
Говори: куда годишься?"
- "Я ершом умею плыть".
- "Ну, мудрец! Но, так и быть,
Полезай в корабль мой полный".

Вот запенилися волны,
Ветер грозно зашумел,
И Быкович полетел,
Со своею свитой мудрой,
За царицей златокудрой.

Много ль времечка прошло,
Часто ль солнышко взошло, -
Приезжают они в царство,
Что под небом государство;
А уж там давно их ждут,
Мед варят и хлеб пекут.
Бросил витязь всюду взоры
И, увидя хлебов горы,
Сотни бочек медовых,
Вин заморских и пивных,
Вопросил в недоуменьи:
- "Для кого ж то угощенье?"
- "Все тебя, Быкович, ждет!"
- "Фу, ты пропасть! В целый год

Не осилить мне и трети!"
Но тут вспомнил, что на эти
Штуки взял он мастеров;
Мигом вызвал старичков...

Вышли старец Обьедайло,
С ним товарищ Опивайло -
И давай хлеб поедать,
Мед и вина выпивать.
Живо хлебных гор не стало,
Питий словно не бывало,
А старинушки кричат:
- "Что ж нас голодом морят?"
Повара захлопотали,
И к царице побежали:
- "Так и так, все съели вгладь,
Рады сызнова начать!"
Вот царица приказала
Молодца, во чтоб ни стало,
В баню тотчас же сводить,
Грязь дорожную отмыть;
А ту баню так топили,
Так ужасно раскалили,
Что уж к ней, верстах в пяти,
Страшно было подойти!
Тут Быкович взволновался,
На прислугу раскричался:
- "Да с ума вы что ль сошли -
Чуть не в пекло привели!"
Но припомнив, что дорогой
Обзавелся он подмогой,
Обратился к старичкам:
- "Ну, ребятки, мыться там
Кто из вас решится смело?"
- "Для меня - пустое дело!"
Отвечал один старик
И, не мешкав, в баню шмыг!
В правый угол трижды дунул,
В левый уголь трижды плюнул, -
И замерзло все кругом,
Все покрылось толстым льдом.
- "Ой! - кричит старик, - бегите!
Я застыл, - скорей топите!"
Побежали во дворец,
А Быкович удалец

Приступил, чтобы царицу,
Златокудрую девицу,
Ему выдали сейчас.
Та явилась и тотчас
Ему ручку протянула,
В очи ясные взглянула,
На корабль его взошла,
Вместе в море отплыла.
Быстро дни бегут за днями,
Мчатся путники морями;
По волнам корабль скользит,
Сине море бороздит.
Вдруг погода разыгралась,
И царица стосковалась; -
В грудь ударила рукой,
Обернулася звездой
И на небо улетала.
"Ну, пропало мое дело!"
Добрый молодец вздохнул,
Но сейчас же вспомянул,
Что он едет с старичками...
- "Звездочета нет ли с вами?"
Вышел старец уж седой,
Перекинулся звездой,
Мигом на небо умчался
И считать их там принялся;
Одну лишнюю сыскал
И на землю протолкал.
Быстро звездочка скатилась,
На кораблик опустилась -
И царицей молодой
Обернулася пред толпой.

Скоро дни идут за днями,
Мчатся путники морями;
По волнам корабль скользит,
Сине море бороздит.
Снова девице сгрустнулось...
Щукой пестрой обернулася,
В море шмыг - и уплыла.
- "Ну, теперь совсем ушла!"
Богатырь растосковался,
Но припомнил, что остался
Еще пятый старичок;
Говорит ему: "Дружок,

Ты ведь плыть ершом хвалился?"

Тот немедля обратился
В жесткоперого ерша
И отправился, спеша,
Вслед за щукою лихою.
Разыскал - и ну, спиною
Задавать врагу трезвон.
Щука вмиг из моря вон,
На кораблик опустилась
И царицею явилась.

Старички тут подошли,
Поклонились до земли,
С добрым молодцом простились,
По домам своим пустились;
А Быкович со своей
Красной девицей скорей
К змею старому поехал.
Змей, как только он приехал,
Кликнул семь богатырей;
Те дремучий лес бровей
И саженные ресницы
Приподняли; взгляд царицы
На чудовище упал -
Змей от страсти задрожал ...
- "Ну, Ванюша, я прощаю,
И тебя уж отпускаю".
- "Нет, постой, не торопись:
Прежде жердочкой пройдишь, -
Говорит Быкович змею, -
Яма страшная под нею...
Кто по жердочке пройдет,
Тот царицу и возьмет".
Змей охотно согласился,
Но с условием, чтоб пустился
Добрый молодец вперед.
Тот на жердочку встает,
А красавица-царица,
Златокудрая девица,
Тихо шепчет позади:
- "Легче пуху перейди!"
Перешел Иван Быкович,
А страшило Змей Змеевич,
Как на жердочку ступил -
Пополам ее сломил

И немедля провалился...
Тут пред девицей склонился
Наш Быкович-молодец -
И сказанию конец.

Я на свадьбе их счастливой
Пировал, но так лениво
Мед, вино и пиво пил,
Что усы лишь замочил.